

ПОЛИНА АМОР - ФРЕЯ ФАЛЛЕН

ПЛЕННИЦА
ЗВЕЗДНОГО
ГЕНЕРАЛА

Полина Амор

Пленница звёздного генерала

«Литнет»

2026

Амор П.

Пленница звёздного генерала / П. Амор — «Литнет», 2026

— Вы меня купили? — Нет. — Тогда почему я здесь? — Потому что твой организм выбрал меня раньше, чем ты успела сказать «нет». Я летела по обычному контракту, чтобы начать новую жизнь, а оказалась на закрытой военной планете в руках самого опасного мужчины Нор-Тара. Звёздный генерал Кайрон Вейр властен, жесток и привык приказывать. И почему-то именно я стала для него редкой совместимостью, от которой он уже не готов отказаться. Теперь мне остаётся одно: держаться от него подальше. Вот только рядом с ним моё тело предательски оживает, а без него мне становится слишком плохо...

© Амор П., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Ошибка маршрута	5
На выход	7
Увести	10
Проверка	12
Снимите фиксацию	14
Это незаконно	18
Под защитой генерала	22
Очень удобно жить без человечности	24
Не надо!	27
Я подниму тебя сам	29
Приказывать ты, конечно, умеешь.	32
Тогда я приду снова.	35
Чем дальше, тем больше	38
Ненавижу эту фразу.	41
Ты хочешь слишком много	45
На грани срыва	50
Поздно	54
Его ночь	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Ошибка маршрута

Если бы мне кто-нибудь неделю назад сказал, что я окажусь на военной планете на краю галактики, среди чужих мужчин с каменными лицами и автоматами наперевес, я бы только рассмеялась.

У меня были слишком земные проблемы, чтобы бояться космоса.

Просроченная аренда.
Долг по кредиту, который я взяла не для себя.
Мать, которая снова плакала в видео-звонке и говорила, что «всё наладится», хотя обе мы знали — не наладится, если я не найду нормальную работу.

Поэтому, когда мне пришёл контракт на дальнюю станцию «Эридан-7», я не задавала лишних вопросов. Хорошая зарплата, оплаченный перелёт, проживание, питание. Всего год работы в административном секторе — и можно выдохнуть.

Можно перестать жить от счета до счета.
Можно перестать считать, сколько дней осталось до очередного платежа.
Можно хотя бы раз в жизни не чувствовать себя загнанной.

Я подписала договор в тот же день.

А теперь стояла посреди чужого терминала и смотрела на красную мигающую надпись над шлюзом:

ВНИМАНИЕ. ТРАНЗИТ ПРИОСТАНОВЛЕН. ПЕРЕНАПРАВЛЕНИЕ ПАССАЖИРОВ.

— Простите, что значит «перенаправление»? — спросила я уже, кажется, в третий раз.

Уставшая женщина в серой форме даже не подняла головы.

— Это значит, что ваш гражданский маршрут временно закрыт.

— Временно — это на сколько?

— Не располагаю данными.

— Но я лечу на «Эридан-7».

— Уже нет.

Я сжала ремень сумки так крепко, что пальцы заболели.

— Как это — уже нет?

Она всё-таки подняла на меня взгляд. Пустой, замученный, как у человека, который за последние часы услышал слишком много истерик.

— В секторе произошёл сбой навигационного коридора. Часть рейсов перенаправлена на ближайшие узлы. Ваш рейс — в их числе.

— Хорошо, — сказала я, стараясь говорить спокойно. — Тогда где ближайший узел и когда я смогу продолжить путь?

Женщина ткнула пальцем в голографическую схему, вспыхнувшую у неё над пультом. На схеме мерцал маршрут, а в его конце горела синяя отметка.

Нор-Тар. Военный сектор. Закрытый доступ.

У меня неприятно похолодело внутри.

— Это же военная зона.

— Верно.

— Гражданских туда не пускают.

— Обычно — нет.

— Тогда почему туда лечу я?

— Потому что у вас нет альтернативного маршрута.

Это прозвучало так буднично, словно она говорила о переносе багажа, а не о том, что меня собираются высадить в месте, о котором даже в новостях говорили шёпотом.

Нор-Тар.

Я слышала это название раньше. Несколько раз. Всегда в одинаковом тоне — с настороженностью. Какая-то стратегическая база, какой-то закрытый сектор, какой-то жёсткий режим. Там служили не люди, а союзная раса, слишком сильная, слишком опасная, слишком... чужая. И командовал всем этим кто-то, кого называли то военным правителем, то генералом, то просто — зверем в мундире.

Конечно, это могли быть обычные страшилки.

Но легче мне не стало.

— Мне нужно связаться с работодателем, — сказала я. — И с транспортной службой. И вообще...

— Связь ограничена до прибытия на узел.

— Что значит ограничена?

— То и значит.

На выход

Она уже отвернулась, ясно давая понять: разговор окончен.

Я медленно выдохнула, чувствуя, как внутри поднимается знакомая волна паники. Нет. Только не сейчас. Только не здесь.

Не хватало ещё разреваться посреди терминала.

Вокруг шумели люди. Кто-то ругался. Кто-то спорил. Кто-то пытался дозвониться родственникам, но сеть и правда работала с перебоями. Свет над головой моргал чуть заметно, в воздухе пахло металлом, озоном и слишком холодной вентиляцией.

Я отошла к стене, обняла себя руками и прикрыла глаза.

Ничего страшного.

Это просто пересадка.
Просто задержка.
Просто чужая планета, на которой мне придётся провести, может быть, день или два.

Я справлюсь.

Я всегда справлялась.

— Пассажирам рейса С-19 пройти к шлюзу номер четыре, — раздался механический голос. — Повторяю: пассажирам рейса С-19 пройти к шлюзу номер четыре.

Это был мой рейс.

Я подхватила сумку и пошла вместе с остальными.

Нас оказалось немного — человек двенадцать. Или не только человек. Я заметила среди толпы двоих высоких мужчин с серебристыми знаками на форме, женщину с ребёнком, нервного парня лет двадцати и пожилую пару, которая всё время держалась за руки.

Никто не выглядел счастливым.

Шлюз открылся с тяжёлым шипением. За ним нас уже ждали вооружённые военные.

И вот тут мне стало по-настоящему не по себе.

Я видела форму силовиков раньше. Земную. Службы охраны станций, патрули, портовые группы. Но здесь всё было иначе. Тяжелее. Жёстче. Чёрная броня, тёмный металл, шлемы под мышкой, оружие не на показ, а как естественное продолжение руки. И молчание.

Они почти не разговаривали между собой.

Просто смотрели.

Один из них сделал шаг вперёд.

— Документы.

Голос у него был низкий, хриловатый, совсем не человеческий по тембру. Не механический, нет. Живой. Но с какой-то странной глубиной, будто звук шёл из слишком широкой груди.

Я быстро протянула браслет с данными.

Он лишь мельком глянул на экран.

— Мира Савельева?

— Да.

— Следуйте в транспортный отсек.

— Простите, а сколько мы пробудем на Нор-Таре?

Он поднял на меня глаза.

Странные глаза. Тёмные, с чуть более ярким, чем у людей, отблеском радужки. Взгляд тяжёлый, прямой, от которого хотелось тут же отвести свой.

— До дальнейшего распоряжения.

— Но...

— Дальше.

Меня будто сдвинули с места одним только голосом. Я проглотила всё, что хотела сказать, и пошла вперёд.

Транспортный отсек оказался небольшим. Нас разместили в жёстких креслах вдоль стен, пристегнули ремнями и велели не вставать до посадки. Я устроилась у иллюминатора — если эту узкую затемнённую полосу вообще можно было назвать иллюминатором — и попыталась успокоиться.

Рядом со мной сел тот самый нервный парень. Он всё время двигал коленом и слишком часто сглатывал.

— Вы тоже не знали, что нас сюда завернут? — шепнул он.

— Нет.

— Чёрт. Просто... чёрт!, — выдохнул он. — Я слышал, туда даже журналистов не пускают.

— Спасибо, мне сразу легче стало.

Он нервно усмехнулся.

— Простите.

Транспортник вздрогнул, отстыковываясь. Свет в отсеке мигнул. Кто-то тихо охнул. Пожилая женщина на два кресла дальше перекрестилась старым земным жестом.

Я повернула голову к тёмному стеклу.

Сначала там отражалось только моё лицо — бледное, напряжённое, с поджатыми губами.

Потом транспортник вышел из дока, и в чёрном окне разлился космос.

Бездна всегда завораживала меня. Даже сейчас.

Тёмно-синий, почти чёрный фон, редкие брызги звёзд, свет далёких станций. Внизу медленно выплывал огромный шар планеты — неяркий, холодный, с полосами синевы и серебра. Красиво. Почти нереально.

И страшно.

Потому что чем ближе мы подлетали, тем отчётливее становилось видно: это не гражданский мир. Не курортная колония. Не торговый узел. Не место, где радуются случайным гостям.

На орбите висели тяжёлые корабли.

Не изящные пассажирские лайнеры. Не прогулочные яхты. А серые хищные конструкции с острыми линиями, от одного вида которых внутри всё сжималось. Они будто охраняли планету, отсекая всё лишнее.

— Боже, — прошептал кто-то сзади.

И я была с ним полностью согласна.

Посадка вышла жёсткой. Нас тряхнуло так, что зубы клацнули. Затем створки открылись, и в отсек ворвался холодный воздух с металлическим привкусом.

— На выход, — коротко бросили нам.

Я спустилась по трапу и невольно остановилась.

Передо мной раскинулся огромный посадочный комплекс, вписанный прямо в скалы. Вокруг — холодные огни, тёмные платформы, высокие стены, уходящие вверх, будто крепость будущего. Вдали вспыхивали маяки. В небе медленно двигались патрульные суда.

Синие и голубые огни резали сумрак, отражаясь на чёрном металле. Всё было ярким, сочным, почти красивым. И совершенно неудобным.

— Не задерживаться, — раздалось за спиной.

Я вздрогнула и пошла дальше.

Нас провели в длинный коридор с гладкими стенами и слишком ярким светом. На поворотах стояла охрана. Я невольно опустила голову, стараясь не ловить ничьи взгляды.

Только бы это закончилось быстро.

Только бы просто переждать.

Только бы...

Мы почти дошли до контрольного пункта, когда всё вокруг вдруг изменилось.

Это случилось резко.

Будто воздух стал плотнее.

Тяжелее.

Моё сердце на секунду сбилось с ритма. По коже, от затылка вниз, пробежала дрожь. Я замедлилась, не понимая, что со мной. На спине выступил холодный пот.

Люди впереди тоже начали двигаться как-то не так. Чуть быстрее. Чуть напряжённее.

А потом я увидела, почему.

По соседнему коридору шёл мужчина.

Нет, не просто мужчина.

Даже на расстоянии было ясно: это кто-то, рядом с кем все остальные автоматически становятся второстепенными.

Он был высоким. Слишком высоким, чтобы казаться обычным человеком. Широкие плечи, тёмная форма, чёрный плащ или накидка с жёстким воротом, перчатки, тяжёлый шаг. Не спешил. Не оглядывался. И всё равно пространство будто расступалось перед ним само.

Рядом шли двое офицеров, но я их почти не замечала.

Потому что смотрела только на него.

Лицо я увидела не сразу. Сначала — профиль, резкий, жёсткий. Тёмные волосы. Прямая линия носа. Скулы. Слишком спокойный рот. Потом он чуть повернул голову, и внутри у меня всё странно сжалось.

Его взгляд скользнул по нашей группе.

По людям. По охране. По мне.

И остановился.

Увести

Это длилось, может быть, секунду.

Но мне хватило.

Меня словно ударило чем-то невидимым прямо в грудь. Дыхание сбилось. В животе закрутилось горячей, тревожной пустотой. Пальцы на ремне сумки дрогнули. Я не понимала, что со мной. Совсем.

Он тоже замер.

Едва заметно. Почти незаметно для других. Но я почему-то была уверена — замер.

Его глаза сузились.

Странные глаза. Тёмные. Холодные. И в то же время будто прожигающие насквозь.

От этого взгляда мне захотелось сделать шаг назад.

И почему-то — остаться на месте.

Один из военных рядом со мной вдруг выпрямился так резко, будто проглотил штырь.

— Генерал, — коротко произнёс он, опуская голову.

Генерал.

Значит, это он.

Тот самый.

Я не знала его имени. Только слышала, что на Нор-Таре правит звёздный генерал, чьих приказов боятся даже союзники. И сейчас этот человек смотрел на меня так, будто я была не очередной случайной пассажиркой, а чем-то, что он никак не ожидал увидеть.

Я судорожно вдохнула.

Мужчина сделал шаг в нашу сторону.

Потом ещё один.

Его сопровождение остановилось чуть позади.

Он подошёл так близко, что я увидела тонкие серебристые линии на воротнике формы, едва заметный шрам у виска и нечеловеческую неподвижность лица. Слишком собранный. Слишком жёсткий. Слишком красивый той опасной красотой, от которой не теплеет, а знобит.

Я смотрела снизу вверх и чувствовала себя до смешного маленькой.

— Имя, — произнёс он.

Не вопрос. Приказ.

Я слотнула.

— Мира.

Его взгляд стал ещё тяжелее.

— Полное имя.

— Мира Савельева.

На секунду мне показалось, что воздух между нами заискрил. Глупость, конечно. Никаких искр не было. Только мне вдруг стало жарко, как будто свет в коридоре усилился вдвое.

Генерал медленно перевёл взгляд на офицера рядом со мной.

— Её документы ко мне.

— Да, генерал.

— И провести полную проверку.

Я нахмурилась.

— Простите, какую ещё проверку?

Он снова посмотрел на меня.

У него был такой взгляд, будто он давно отвык объяснять хоть что-то кому-то вроде меня.

— Стандартную.

— Тогда почему именно меня?

Вопрос вырвался быстрее, чем я успела подумать. Один из сопровождающих офицеров резко напрягся, словно ожидая, что сейчас меня поставят на место. Жёстко.

Но генерал не повысил голос.

Наоборот. Заговорил тихо. И от этого стало только хуже.

— Потому что я так приказал.

Я вспыхнула от злости.

— Я гражданская. Я ничего не нарушала.

— Пока нет.

— Что это вообще значит?

На этот раз он сделал ещё один шаг. Совсем близко. Настолько, что я уловила запах — холодный, металлический, с чем-то едва заметно терпким. Не парфюм. Просто его запах. И от этого у меня почему-то ослабели колени.

Ненавижу такое.

Ненавижу, когда тело реагирует раньше головы.

— Это значит, — произнёс он, не отводя от меня взгляда, — что с этой минуты вы будете делать всё, что вам скажут.

Меня будто окатило ледяной водой.

— На каком основании?

Его лицо не изменилось.

— На моём.

Тишина вокруг стала вязкой. Даже парень, сидевший рядом со мной в транспортнике, кажется, перестал дышать.

Я открыла рот, чтобы возмутиться, но генерал уже отвернулся.

— Увести.

И пошёл дальше по коридору, не оглядываясь.

А я осталась стоять на месте, с бешено колотящимся сердцем, жаром под кожей и единственным осознанием, от которого внутри всё неприятно сжалось:

Я только что встретила мужчину, который одним взглядом сумел выбить у меня почву из-под ног.

Проверка

Меня не повели вместе с остальными.

Это я поняла почти сразу.

Если сначала нашу небольшую группу вели по одному коридору, то после короткого приказа генерала всё изменилось. Двое вооружённых военных встали по бокам от меня, и через минуту мы уже свернули в другой сектор — тише, холоднее, пустее.

Я шла быстро, почти не глядя по сторонам, но всё равно успела заметить, что здесь всё выглядело ещё более закрытым. Меньше людей. Больше охраны. Двери без обозначений, гладкие стены, металлический блеск и бело-синий свет, который делал лица вокруг ещё более чужими.

— Куда вы меня ведёте? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Никто не ответил.

— Эй. Я имею право знать.

Молчание.

Я стиснула зубы.

Паника, поднявшаяся во мне после встречи с генералом, теперь смешалась с раздражением. Это даже помогало. Когда я злилась, то меньше боялась.

Почти.

Мы остановились у матовой двери. Один из охранников приложил ладонь к панели, раздался сухой сигнал, и створки разъехались.

Помещение оказалось светлым, просторным и слишком стерильным. Не тюремная камера, нет. Скорее медицинский блок высокого уровня: гладкий пол, встроенные экраны, полупрозрачные панели, в центре — узкая платформа, напоминающая одновременно кушетку и сканирующий стол.

Вот только мягче от этого не становилось.

Внутри уже ждали трое.

Пожилый мужчина в светлой форме, женщина с коротко стриженными тёмными волосами и ещё один высокий офицер с таким лицом, будто ему вообще никогда не приходилось выражать эмоции.

Дверь за моей спиной закрылась.

Я резко обернулась.

— Простите, но это уже начинает быть похожим на похищение.

Пожилый мужчина поднял на меня усталые серые глаза.

— Если бы вас хотели похитить, госпожа Савельева, всё было бы куда менее вежливо.

— Очень утешили.

Он будто даже хотел усмехнуться, но передумал.

— Меня зовут доктор Хаарн. Сейчас мы проведём стандартное обследование после прибытия в закрытый сектор.

— После прибытия всех? Или только после того, как на меня посмотрел ваш генерал?

В комнате на мгновение стало слишком тихо.

Женщина у панели отвела взгляд.

Офицер даже не моргнул.

А доктор Хаарн очень спокойно сказал:

— Раздевайтесь до нижнего белья и ложитесь на платформу.

Я уставилась на него.

— Что?

— Нам нужно провести сканирование.

— Без объяснений? Серьёзно?

— Объяснения будут, когда появится необходимость.

— По-моему, она уже появилась.

Офицер с каменным лицом сделал шаг вперёд. Просто шаг. Не угрожающий, не резкий. Но я тут же поняла: ещё немного — и со мной не станут спорить вовсе.

Доктор чуть поднял руку, останавливая его.

— Госпожа Савельева, вам ничего не угрожает. Но ваше пребывание на Нор-Таре уже перестало быть обычной транзитной задержкой. Мы должны исключить ряд факторов.

— Каких именно?

— Несовместимость среды. Реакцию на атмосферные примеси. Биологические отклонения.

— И для этого нужно раздеться?

— Для этого нужно перестать тратить время.

Я медленно выдохнула, чувствуя, как к горлу снова подступает злость.

Они были совершенно спокойны. Слишком спокойны. Будто всё, что происходило, было нормой. Будто у меня нет права ни возмущаться, ни нервничать.

Но я понимала и другое: спорить сейчас бесполезно.

Я поставила сумку у стены, стащила куртку, затем ботинки. Пальцы слегка дрожали. От холода ли, от злости, от нервов — уже не разберёшь.

Когда я осталась в белье, женщина у панели подошла ближе, провела по мне быстрым профессиональным взглядом и жестом указала на платформу.

— Ложитесь.

Я подчинилась.

Поверхность под спиной оказалась тёплой, почти живой на ощупь. Надо мной мягко загорелся сканирующий контур. Свет пошёл сверху вниз, задерживаясь на груди, животе, бёдрах. На экране сбоку побежали линии и символы, которых я не понимала.

Доктор подошёл ближе.

— Не двигайтесь.

— Это я уже поняла.

Он ничего не ответил.

Минуту ничего не происходило. Или две. Время в этом бело-синем свете будто стало вязким. Я смотрела в потолок и пыталась не думать о том, что где-то совсем рядом находится человек, который одним приказом выдернул меня из толпы и запер в этой комнате.

Генерал.

Даже мысленно это слово звучало тяжело.

Я вдруг очень ясно вспомнила его лицо.

Тёмные глаза. Холодное спокойствие. Жёсткий рот. И то, как у меня сбилось дыхание, когда он подошёл слишком близко.

Глупость.

Просто стресс.

Просто страх.

Я почти поверила в это, пока один из датчиков не скользнул по моей коже у ключицы.

Меня будто током ударило.

Я резко вдохнула и дёрнулась.

— Не двигаться, — тут же сказал доктор.

— Что это было?

— Повторная настройка поля.

Снимите фиксацию

Меня не повели вместе с остальными.

Это я поняла почти сразу.

Если сначала нашу небольшую группу вели по одному коридору, то после короткого приказа генерала всё изменилось. Двое вооружённых военных встали по бокам от меня, и через минуту мы уже свернули в другой сектор — тише, холоднее, пустее.

Я шла быстро, почти не глядя по сторонам, но всё равно успела заметить, что здесь всё выглядело ещё более закрытым. Меньше людей. Больше охраны. Двери без обозначений, гладкие стены, металлический блеск и бело-синий свет, который делал лица вокруг ещё более чужими.

— Куда вы меня ведёте? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Никто не ответил.

— Эй. Я имею право знать.

Молчание.

Я стиснула зубы.

Паника, поднявшаяся во мне после встречи с генералом, теперь смешалась с раздражением. Это даже помогало. Когда я злилась, то меньше боялась.

Почти.

Мы остановились у матовой двери. Один из охранников приложил ладонь к панели, раздался сухой сигнал, и створки разъехались.

Помещение оказалось светлым, просторным и слишком стерильным. Не тюремная камера, нет. Скорее медицинский блок высокого уровня: гладкий пол, встроенные экраны, полупрозрачные панели, в центре — узкая платформа, напоминающая одновременно кушетку и сканирующий стол.

Вот только мягче от этого не становилось.

Внутри уже ждали трое.

Пожилый мужчина в светлой форме, женщина с коротко стриженными тёмными волосами и ещё один высокий офицер с таким лицом, будто ему вообще никогда не приходилось выражать эмоции.

Дверь за моей спиной закрылась.

Я резко обернулась.

— Простите, но это уже начинает быть похожим на похищение.

Пожилый мужчина поднял на меня усталые серые глаза.

— Если бы вас хотели похитить, госпожа Савельева, всё было бы куда менее вежливо.

— Очень утешили.

Он будто даже хотел усмехнуться, но передумал.

— Меня зовут доктор Хаарн. Сейчас мы проведём стандартное обследование после прибытия в закрытый сектор.

— После прибытия всех? Или только после того, как на меня посмотрел ваш генерал?

В комнате на мгновение стало слишком тихо.

Женщина у панели отвела взгляд.

Офицер даже не моргнул.

А доктор Хаарн очень спокойно сказал:

— Раздевайтесь до нижнего белья и ложитесь на платформу.

Я уставилась на него.

— Что?

— Нам нужно провести сканирование.

— Без объяснений? Серьёзно?

— Объяснения будут, когда появится необходимость.

— По-моему, она уже появилась.

Офицер с каменным лицом сделал шаг вперёд. Просто шаг. Не угрожающий, не резкий. Но я тут же поняла: ещё немного — и со мной не станут спорить вовсе.

Доктор чуть поднял руку, останавливая его.

— Госпожа Савельева, вам ничего не угрожает. Но ваше пребывание на Нор-Таре уже перестало быть обычной транзитной задержкой. Мы должны исключить ряд факторов.

— Каких именно?

— Несовместимость среды. Реакцию на атмосферные примеси. Биологические отклонения.

— И для этого нужно раздеться?

— Для этого нужно перестать тратить время.

Я медленно выдохнула, чувствуя, как к горлу снова подступает злость.

Они были совершенно спокойны. Слишком спокойны. Будто всё, что происходило, было нормой. Будто у меня нет права ни возмущаться, ни нервничать.

Но я понимала и другое: спорить сейчас бесполезно.

Я поставила сумку у стены, стащила куртку, затем ботинки. Пальцы слегка дрожали. От холода ли, от злости, от нервов — уже не разберёшь.

Когда я осталась в белье, женщина у панели подошла ближе, провела по мне быстрым профессиональным взглядом и жестом указала на платформу.

— Ложитесь.

Я подчинилась.

Поверхность под спиной оказалась тёплой, почти живой на ощупь. Надо мной мягко загорелся сканирующий контур. Свет пошёл сверху вниз, задерживаясь на груди, животе, бёдрах. На экране сбоку побежали линии и символы, которых я не понимала.

Доктор подошёл ближе.

— Не двигайтесь.

— Это я уже поняла.

Он ничего не ответил.

Минуту ничего не происходило. Или две. Время в этом бело-синем свете будто стало вязким. Я смотрела в потолок и пыталась не думать о том, что где-то совсем рядом находится человек, который одним приказом выдернул меня из толпы и запер в этой комнате.

Генерал.

Даже мысленно это слово звучало тяжело.

Я вдруг очень ясно вспомнила его лицо.

Тёмные глаза. Холодное спокойствие. Жёсткий рот. И то, как у меня сбилось дыхание, когда он подошёл слишком близко.

Глупость.

Просто стресс.

Просто страх.

Я почти поверила в это, пока один из датчиков не скользнул по моей коже у ключицы.

Меня будто током ударило.

Я резко вдохнула и дёрнулась.

— Не двигаться, — тут же сказал доктор.

— Что это было?

— Повторная настройка поля.

— Оно жжёт.

— У вас повышенная чувствительность.

— Я заметила!

Следующий импульс прошёл по ребрам, и я стиснула зубы. Это уже не было болью в обычном смысле. Скорее слишком ярким ощущением. Как если бы кожа внезапно стала тоньше, а нервы — оголённые.

Женщина у панели нахмурилась.

— Рост отклика.

— Вижу, — отозвался доктор.

— Какого ещё отклика? — резко спросила я.

Никто не ответил.

Вот теперь мне стало по-настоящему страшно.

— Прекратите. Немедленно.

Доктор поднял взгляд на экран.

— Почти закончили.

— Я сказала, прекратите!

Я попыталась приподняться, но в тот же миг над запястьями вспыхнули мягкие фиксирующие дуги. Не больно. Не грубо. Но ясно и неприятно.

— Вы вообще нормальные?! — выдохнула я.

И в этот момент дверь открылась.

Я даже не увидела, а почувствовала это.

Как тогда в коридоре.

Воздух опять словно стал плотнее. Тяжелее. Тело отреагировало раньше головы — спазмом внизу живота, короткой дрожью по позвоночнику, внезапным жаром под кожей.

Я повернула голову.

На пороге стоял генерал.

В тёмной форме, без плаща, с тем же нечеловеческим спокойствием на лице. Его взгляд сначала прошёл по врачам, по экрану, по датчикам, а потом остановился на мне.

На мне — почти раздетой, напряжённой, пристёгнутой к платформе.

Щёки вспыхнули так резко, что я чуть не зажмурилась.

— Что здесь происходит? — спросил он.

Голос прозвучал негромко, но в комнате после него словно стало теснее.

Доктор Хаарн выпрямился.

— Предварительное сканирование, генерал. Реакция выше ожидаемой.

— Насколько выше?

Женщина у панели повернула экран, и я увидела только столбцы быстро меняющихся цифр.

— Показатели растут при приближении объекта, — сказала она.

Я моргнула.

— Какого ещё объекта?

Никто не удостоил меня ответом.

Генерал подошёл ближе.

Один шаг.

Потом второй.

И чем меньше расстояния оставалось между нами, тем хуже мне становилось.

Нет, не хуже.

Сильнее.

Как будто тело вдруг вспомнило что-то, чего я никогда не знала. Каждая клетка будто проснулась и потянулась к нему — к теплу, к силе, к этому странному давящему присутствию. У меня пересохло во рту. Под ладонями выступила влага. Грудь начала подниматься чаще.

Я вцепилась пальцами в край платформы.

Нет. Нет, нет, нет.

Это было ненормально.

Он остановился совсем рядом. Смотрел сверху вниз, и в его взгляде больше не было того холодного равнодушия, которое я видела в коридоре. Теперь там было что-то другое. Сосредоточенное. Опасное. Будто он сам пытался понять, что именно со мной делает.

— Снимите фиксацию, — сказал он.

— Генерал, — осторожно начал доктор, — если отклик продолжит расти...

— Я сказал — снимите.

Это незаконно

Мягкие дуги над запястьями погасли.

Я тут же села, инстинктивно пытаюсь прикрыться руками. От резкого движения голова слегка закружилась. В висках стучало.

Генерал не сводил с меня глаз.

— Посмотрите на меня, — произнёс он.

Я уставилась на него с возмущением.

— Ещё чего.

Офицер у стены едва заметно напрягся.

Но генерал вдруг наклонил голову чуть набок. Так, будто мой ответ его не разозлил, а заинтересовал.

— Вы всегда спорите, когда боитесь?

Я вспыхнула ещё сильнее.

— Я не боюсь.

— Лжёте.

— А вы слишком много себе позволяете.

— Здесь — да.

Кажется, доктор и его помощница перестали дышать.

А я смотрела на генерала и понимала, что должна отвернуться, отступить, потребовать расстояния. Сделать хоть что-то разумное.

Но не делала.

Потому что его близость действовала на меня как-то страшно, постыдно и слишком сильно. Сердце колотилось так, что становилось больно. Под кожей разливался жар. Особенно там, где проходили сканирующие лучи, и почему-то — внизу живота, будто от одного его взгляда меня начинало лихорадить.

Ненавижу.

Ненавижу, когда со мной что-то происходит без моего разрешения.

Он протянул руку.

Я дёрнулась.

— Не трогайте меня.

— Мне нужно проверить реакцию.

— А мне не нужно.

— Это уже не вам решать.

С этими словами он коснулся двумя пальцами моего запястья.

Мир качнулся.

Я судорожно вдохнула и едва не сорвалась с платформы.

Ощущение было таким сильным, что на миг перед глазами потемнело. Не боль. Не удовольствие. Что-то гораздо хуже — или лучше, я не знала. Как будто всё внутри меня внезапно стянулось в одну раскалённую точку и рванулось к его руке. По телу прокатилась дрожь. Я вцепилась в край платформы так, что ногти скрипнули по гладкой поверхности.

— Чёрт... — выдохнула я, сама не заметив.

Пальцы генерала тут же исчезли.

Он резко выпрямился.

Доктор быстро шагнул к экрану.

— Подтверждено.

— Что подтверждено? — спросила я, голос у меня сорвался и прозвучал слишком хрипло.

Никто не ответил.

Я соскочила с платформы, босыми ногами на холодный пол, и зло уставилась сначала на врача, потом на генерала.

— Да вы издеваетесь? Я хочу знать, что со мной происходит!

Генерал смотрел на меня слишком пристально.

Словно уже не слушал, что я говорю.

Словно видел во мне что-то, чего не видела я сама.

Доктор Хаарн опустил взгляд в планшет.

— Уровень биосовместимости девяносто семь и четыре.

Женщина у панели еле слышно выдохнула.

Офицер у стены впервые за всё время моргнул.

А я нахмурилась.

— И что это вообще значит?

Молчание длилось пару секунд.

Потом генерал ответил сам.

— Это значит, — произнёс он низко и ровно, — что с этого момента вы останетесь под моим личным контролем.

У меня внутри всё похолодело.

— Нет.

Его бровь чуть заметно дрогнула.

— Что?

— Нет, — повторила я уже громче. — Я не знаю, что вы там намерили, но я ни под чьим личным контролем не останусь. Я гражданская. У меня контракт. Я должна лететь дальше.

— Уже нет.

— Да что значит «уже нет»?! Вы вообще слышите себя?

— Прекрасно.

Он сделал шаг ближе.

Я отступила.

Ещё шаг — и спиной почувствовала край платформы. Отходить было некуда.

— Послушайте меня внимательно, Мира Савельева, — произнёс он негромко. — До этой минуты я ещё мог считать вас случайной проблемой. Теперь — нет.

У меня пересохло во рту.

— Вы не имеете права...

— На Нор-Таре я имею все права.

— Вы псих.

На лице генерала не дрогнул ни один мускул.

— Возможно.

И почему-то именно это спокойное, страшное согласие выбило у меня почву из-под ног сильнее, чем если бы он разозлился.

Я вскинула подбородок.

— Я требую связаться с консульством. С транспортной службой. С кем угодно.

— Вам предоставят возможность связи позже.

— Когда?

— Когда я решу.

Я так сильно стиснула челюсти, что заболели виски.

— Ненавижу вас.

Доктор и помощница замерли.

Офицер у стены, кажется, вообще перестал быть живым существом и превратился в каменную колонну.

А генерал вдруг посмотрел на меня так, что по спине снова пробежал жар.
Медленно. Тяжело. Сверху вниз.

— Это пройдёт, — сказал он.

И от этой фразы мне захотелось либо ударить его, либо убежать как можно дальше.
Наверное, именно поэтому я ляпнула:

— Не рассчитывайте.

Он чуть сузил глаза.

— Увести её в изолированный жилой сектор.

Я резко повернулась к доктору.

— Какой ещё жилой сектор?

— Временное размещение рядом с командным блоком, — ответил за него генерал.

— Рядом с вашим?

— Да.

— С ума сойти.

— Уже говорил.

Он отступил, будто разговор был окончен. Будто всё решено. Будто моего согласия здесь и не требовалось.

Меня затопила такая злость, что стало легче дышать.

Я схватила свою одежду, быстро натянула куртку поверх белья, затем брюки, ботинки — почти рывками, не заботясь о том, как выгляжу. Под конец пальцы всё-таки дрогнули. Не от страха. От ярости. И ещё от чего-то, чему я не хотела давать имя.

Когда я выпрямилась, генерал по-прежнему стоял в нескольких шагах и смотрел.

Как будто проверял.

Как будто запоминал.

Как будто уже решил, что я никуда от него не денусь.

Я подхватила сумку.

— Это незаконно.

— Возможно, — повторил он.

— Я не буду вам подчиняться.

— Будете.

— Даже не мечтайте.

На этот раз уголок его рта едва заметно сдвинулся. Не улыбка. Даже не её тень. Но что-то очень близкое.

От этого стало ещё хуже.

Потому что на одну страшную секунду мне показалось: ему нравится, что я сопротивляюсь.

Один из охранников открыл дверь.

Я уже шагнула к выходу, когда голос генерала остановил меня:

— И ещё, Мира.

Я медленно обернулась.

— Что?

Он смотрел прямо мне в глаза.

— Не пытайтесь сбежать в первый же час.

У меня внутри всё оборвалось и тут же вспыхнуло злостью.

— А если попытаюсь?

Он выдержал паузу.

— Тогда мне придётся лично вас возвращать.

И почему-то именно от этих слов по позвоночнику прошла самая сильная дрожь за весь день.

Я резко отвернулась и вышла, не дожидаясь, пока он увидит, как сильно колотится у меня сердце.

Но одно я поняла уже тогда.

Это была не просто задержка.
Не просто ошибка маршрута.
И даже не просто чужая планета.

Я каким-то образом умудрилась вляпаться во что-то гораздо хуже.

И теперь самый опасный мужчина на Нор-Таре смотрел на меня так, будто я уже принадлежу ему.

Под защитой генерала

Если бы мне предложили описать моё новое положение одним словом, я бы выбрала не «гостья».

И даже не «заложница».

Нет.

Самым точным словом было бы — **клетка**.

Просто очень дорогая.

Меня привели в жилой сектор, который больше напоминал апартаменты в дорогом отеле, чем место временного содержания. Просторная комната, широкая кровать, мягкий свет, панорамное окно во всю стену, за которым мерцали синие огни Нор-Тара, отдельная ванная, встроенный гардероб, стол, терминал связи, даже полки с книгами и несколько растений в узких серебристых контейнерах.

Если бы не двое вооружённых охранников у двери снаружи, я бы, может, и правда на мгновение поверила, что всё это — просто странное недоразумение.

Но охранники были.

И дверь открывалась только снаружи.

Я проверила.

Три раза.

На четвёртый уже просто со злостью стукнула ладонью по панели.

— Очень смешно, — пробормотала я.

Разумеется, дверь не впечатлилась.

Я резко развернулась и прошла через комнату к окну. Оно, к моему удивлению, не было декоративным. Настоящее стекло или его дорогой аналог. За ним внизу тянулись тёмные платформы, световые мосты, башни связи и посадочные уровни, прорезающие сумерки голубыми линиями. Небо над Нор-Таром было глубоким, почти чернильным, с холодным сиянием далёких спутников и редкими всполохами, похожими на северное сияние.

Красиво.

Слишком красиво для места, где тебя держат против воли.

Я прислонилась лбом к стеклу и прикрыла глаза.

Надо думать.

Не паниковать. Не злиться вслепую. Не тратить силы на бессмысленное метание по комнате.

Думать.

Я на закрытой военной планете. У меня нет связи. Нет ясности. Нет союзников. Зато есть очень опасный мужчина, который считает, что имеет право распоряжаться мной, и странная «биосовместимость», которую никто даже не попытался объяснить по-человечески.

Отлично.

Просто прекрасно.

Я отошла от окна и огляделась внимательнее. На столе уже стоял поднос с едой и графин с водой. Небольшая стопка одежды лежала в кресле: мягкие домашние брюки, длинная туника, бельё, даже тапочки. Всё новое. Всё явно подобрано по размеру.

Это разозлило меня почему-то сильнее всего.

Они уже всё решили за меня.

Где я буду спать. Что носить. Когда есть. Когда выходить.

Я схватила край туники и почти швырнула её обратно в кресло.

— Пошли к чёрту.

Живот в этот момент предательски свело.

Я замерла.

Только сейчас поняла, что толком ничего не ела с пересадки. В терминале было не до того, потом медблок, сканирование, генерал, злость, страх... Организм, видимо, решил, что дальше терпеть не намерен.

Я несколько секунд смотрела на поднос так, будто он был личным оскорблением.

Потом всё-таки села за стол.

Запах оказался неожиданно приятным: что-то мясное, острое, с пряностями и тонкими ломтиками овощей в густом соусе. Рядом — хлебцы, очень похожие на земные, и прозрачный напиток с лёгким цитрусовым ароматом.

Я осторожно попробовала.

И почти сразу поняла, что слишком голодна, чтобы продолжать демонстрировать характер.

Поэтому ела быстро. Не жадно, но с тем сосредоточением, которое бывает после долгого напряжения. Только к середине тарелки заметила, как дрожат пальцы.

Я положила вилку и выдохнула.

Медленно. Спокойно.

Всё нормально.

Жива.

В безопасности. Относительной.

Пока никто не пытался причинить мне вред. Только изолировать, контролировать и бесить до зубовного скрежета.

Когда я доела, дверь тихо открылась.

Я резко обернулась, готовая увидеть кого угодно — охрану, врача, женщину из медблока.

Но это был не кто угодно.

Это был он.

Генерал вошёл без спешки, как человек, которому в этом мире принадлежит всё пространство, в которое он ступает. Сегодня на нём уже не было тяжёлого плаща, только тёмная форма с матовым металлическим отливом, высокий ворот, перчатки и короткий знак отличия на груди. Без оружия он выглядел даже опаснее.

Будто оно ему было не нужно.

Я тут же встала из-за стола.

— Ты бы ещё без стука научился входить.

Очень удобно жить без человечности

Он скользнул взглядом по комнате, по пустой тарелке, по мне — и только потом ответил:
— Это мои помещения.

— Как удобно.

— Тебе здесь что-то не нравится?

Я едва не рассмеялась.

— Дай подумать. Может быть, то, что меня держат взаперти на чужой планете?

Он не изменился в лице.

— Тебя держат под охраной.

— О, конечно. Совсем другое дело.

Он подошёл ближе, и мне снова пришлось напомнить себе, что отступать не надо. Что я не обязана сжиматься только потому, что рядом с ним воздух становится плотнее, а собственное тело начинает вести себя как предатель.

— Это временно, — сказал он.

— Пока ты так решил?

— Пока это необходимо.

Я скрестила руки на груди.

— И как долго?

— Зависит от результатов наблюдения.

— Каких ещё наблюдений?

— Твоего состояния.

Я зло фыркнула.

— Моё состояние было бы гораздо лучше, если бы меня оставили в покое.

Генерал чуть наклонил голову.

— Лжёшь.

— Что?

— Тебе было плохо, когда я ушёл из медблока?

Этот вопрос прозвучал так прямо, что я на секунду растерялась.

Потом сразу же разозлилась.

— Нет.

Он молча смотрел на меня.

Проклятье. Это было невыносимо. Будто он не просто слушал, а видел насквозь — и каждый раз замечал, где именно я вру.

Я отвела взгляд первой.

— Я устала, — сухо сказала я. — Это нормально после такого дня.

— Не только поэтому.

— Ты не врач.

— Мне не нужен врач, чтобы видеть реакцию связи.

Я медленно подняла глаза.

— Какой ещё связи?

Вот теперь он ответил не сразу.

Сделал ещё один шаг. Совсем небольшой. Но мне и этого хватило, чтобы снова почувствовать, как под кожей пробегает знакомое, неправильное тепло.

— Между мной и тобой есть биологический отклик, — произнёс он. — Очень высокий.

— Это я уже слышала. Только никто не удосужился объяснить, что это значит.

— Это значит, что твой организм распознал меня как совместимого.

— Звучит отвратительно романтично.

Его взгляд стал жёстче.

— Это не романтика.

— Я заметила.

Он несколько секунд молчал, будто подбирал слова. Или просто решал, сколько мне вообще нужно знать.

— У моей расы есть особенность. Редкая совместимость может запускать парную привязку.

Меня словно окатило холодной водой.

— Нет.

— Это уже произошло частично.

— Нет, — повторила я жёстче. — Нет. Я не подписывалась ни на какую... привязку. Ни с кем. Тем более с тобой.

— Твоё согласие не влияет на биологию.

— Зато очень влияет на моё отношение ко всему этому!

— Отношение можешь оставить при себе.

— А ты, смотрю, вообще образец дипломатии.

На этот раз в его глазах мелькнуло что-то очень похожее на раздражение.

И это почему-то чуть успокоило. Хоть что-то живое.

— Я не обязан тебе нравиться, Мира.

— Какая трагедия. Потому что ты мне и не нравишься.

Он посмотрел на меня так, что у меня внутри всё неприятно дрогнуло.

Слишком долгий взгляд. Слишком спокойный. Слишком уверенный.

— Это поправимо, — сказал он.

Я задохнулась от возмущения.

— Самоуверенный ублюдок.

Впервые за всё время уголок его рта едва заметно сдвинулся.

Не улыбка. Но почти.

— Уже лучше, — сказал он.

Я уставилась на него.

— Что именно лучше?

— Когда ты злишься, ты меньше боишься.

Вот теперь мне действительно захотелось что-нибудь в него кинуть.

Я схватила со стола стакан — больше для жеста, чем всерьёз — но вовремя остановилась. Не хватало ещё устроить истерику при человеке, который, скорее всего, и так считает меня слабой.

Поэтому я просто поставила стакан обратно.

Медленно.

С вызовом.

— Ты всё про меня понял за пять минут?

— Нет.

— И что же ты понял?

Он скользнул по мне взглядом. От лица к плечам, ниже — и обратно. Неторопливо. Так, что у меня моментально пересохло во рту.

— Что ты упрямая, — произнёс он. — И не умеешь скрывать, когда тебе страшно.

— А ты, значит, умеешь скрывать всё?

— Почти.

— Тогда поздравляю. Очень удобно жить без человечности.

На этот раз тишина между нами стала другой.

Тяжелее.

Я почти сразу поняла, что задела что-то настоящее. Но отступать было поздно.
Он подошёл ещё ближе.

Я непроизвольно выпрямилась.

Теперь между нами оставалось меньше шага.

— Ты ничего не знаешь о том, как я живу, — сказал он очень тихо.

Голос у него стал ниже. Опаснее.

И самое унижительное — где-то глубоко внутри меня на этот тон отозвалось тело. Не разум. Не чувства. Именно тело. Лёгкой дрожью под коленями, вспышкой жара, сбившимся дыханием.

Я ненавидела каждую секунду этого.

— Тогда расскажи, — выдохнула я раньше, чем успела подумать.

Его глаза чуть сузились.

Как будто он тоже заметил, как изменился мой голос.

Пауза затянулась.

Потом он отступил.

Один шаг назад — и я вдруг поняла, что всё это время почти не дышала.

— Отдыхай, — произнёс он уже обычным тоном. — Завтра будет повторная диагностика.

— Нет.

— Да.

— Ты вообще умеешь слышать слово «нет»?

— В стратегических вопросах — редко.

— А я, по-твоему, стратегический вопрос?

Он выдержал паузу.

— Уже да.

И вот после этого ушёл.

Просто развернулся и направился к двери, словно не сказал ничего особенного.

А я осталась стоять посреди комнаты и смотреть ему вслед с совершенно дурацким чувством: будто меня только что не разговором прижали к стене.

Дверь закрылась.

Тихо.

Окончательно.

Я медленно выдохнула и опустилась на край кровати.

Сердце колотилось всё ещё слишком быстро. Пальцы хотелось сжать в кулаки. И вообще меня трясло — от злости, от унижения, от этой дикой, неправильной реакции на него.

Как вообще можно так действовать на человека?

Я легла поверх покрывала, уставилась в потолок и попыталась убедить себя, что если просто усну, то всё станет проще.

Не стало.

Сначала я долго не могла устроиться. Кровать была мягкой, воздух — прохладным, свет в комнате постепенно приглушился сам, превращаясь в мягкий сумрак. Но внутри меня всё равно было слишком много напряжения.

Перед глазами снова и снова вставало его лицо.

Его взгляд.

Его голос.

«У моей расы есть особенность...»

«Твоё согласие не влияет на биологию...»

«Уже да.»

Не надо!

— Иди к чёрту, — пробормотала я в темноту.

Это не помогло.

Когда я всё-таки начала проваливаться в сон, меня выдернуло обратно странное ощущение.

Сначала лёгкое.

Потом сильнее.

Я нахмурилась и перевернулась на спину.

Что-то было не так.

В груди появилась неприятная пустота. Как если бы воздуха стало меньше. Кожа внезапно сделалась слишком чувствительной к ткани. Сердце забилося чаще без причины. В висках застучало. Я резко села, пытаясь понять, что происходит.

Может, давление.

Может, последствия сканирования.

Может, нервы.

Я спустила ноги на пол и встала.

Голова почти сразу закружилась.

— Чёрт...

Пришлось схватиться за край стола. Перед глазами на секунду поплыло. В горле пересохло. Жар под кожей стал сильнее, но не ровный, а рваный — то вспыхивал, то отступал.

Я заставила себя сделать несколько медленных вдохов.

Один.

Второй.

Третий.

Не помогало.

Наоборот — ощущение становилось всё более странным. Меня будто выворачивало изнутри какой-то тянущей, почти болезненной пустотой. Как если бы организм искал что-то и не находил. Это было не похоже ни на одну болезнь, которую я знала.

Мне стало по-настоящему страшно.

Я подошла к двери и ударила ладонью по панели.

— Эй!

Ничего.

— Есть кто-нибудь?!

Через пару секунд дверь открылась, и на пороге появился один из охранников.

— Что случилось?

— Мне плохо.

Он окинул меня быстрым взглядом.

— Опишите симптомы.

— Я сейчас не анкету заполняю! — выдохнула я. — У меня голова кружится, жар, дышать тяжело... позовите врача.

Охранник не изменился в лице, только поднял руку к коммуникатору на запястье.

— Медицинский блок в жилой сектор генерала. Срочно.

Генерала.

Даже это слово сейчас прозвучало так, будто связано с моим состоянием напрямую.

Я медленно сползла по стене на пол. На ногах стоять становилось всё труднее. Сердце билось так быстро, что пугало. В теле нарастала дрожь — не озноб, а какая-то рваная внутренняя вибрация.

Через минуту вошёл доктор Хаарн.
Сканер в его руках вспыхнул голубым светом.
— Как давно началось?
— Не знаю... несколько минут назад... может, больше...
Он быстро провёл сканером вдоль моей шеи, груди, запястий и нахмурился.
— Где генерал?
Я моргнула.
— Что?
— Генерал сейчас в командном крыле?
Охранник коротко кивнул.
Доктор выдохнул сквозь зубы так тихо, что я почти не услышала.
— Проклятье.
Меня затопила новая волна злости и страха.
— Да объясните вы уже нормально, что со мной!
Но он ответил не мне.
— Немедленно вызовите генерала.
У меня внутри всё сжалось.
— Нет, — прошептала я. — Не надо.
Доктор впервые за всё время посмотрел на меня почти по-человечески.
— Боюсь, госпожа Савельева, теперь уже надо.
И именно в этот момент я поняла самое страшное.
Мне действительно становилось хуже, потому что его не было рядом.

Я подниму тебя сам

Я никогда не думала, что самым унижительным моментом в моей жизни станет не бедность, не долги и даже не тот вечер, когда бывший спокойно объяснил, что «нам лучше расстаться, потому что ты слишком сложная».

Нет.

Самым унижительным оказалось сидеть на полу у двери своей роскошной клетки и понимать, что мне физически плохо... потому что рядом нет одного конкретного мужчины.

Это звучало настолько дико, что мозг отказывался принимать реальность.

Я сидела, прислонившись спиной к стене, и пыталась дышать ровно. Не получалось. В груди будто что-то сжалось и не хотело разжиматься. По телу шли волны странного жара, голова кружилась, ладони дрожали, а внизу живота ныло так, словно внутри натянули слишком тонкую, слишком чувствительную струну.

Доктор Хаарн стоял рядом и быстро что-то проверял на своём сканере.

— Давление скачет, — пробормотал он. — Пульс выше нормы. Реакция на удаление ускоренная.

Я подняла на него злой, мутный от дурноты взгляд.

— Можно... пожалуйста... по-человечески?

Он выдохнул.

— У вашей связи с генералом началась ранняя фаза закрепления.

— У меня нет с ним связи.

— Ваш организм так не считает.

— А мне плевать, что он считает.

— Это временно.

— Вы все очень любите это слово, — выдохнула я. — Только почему-то от него не становится легче.

Охранник у двери вдруг выпрямился.

Доктор замолчал.

Я даже не сразу поняла, почему.

Потом почувствовала.

Снова.

Этот проклятый, страшный, уже почти узнаваемый сдвиг в воздухе. Как будто пространство меняло плотность. Как будто тело улавливало его присутствие раньше, чем глаза.

Сердце пропустило удар.

А потом забилося ещё быстрее.

В дверях появился Кайрон.

Без сопровождения. Без лишнего шума. Просто вошёл — и комната в ту же секунду стала меньше.

На этот раз он был без кителя, только в тёмной облегающей рубашке с жёстким воротом и брюках. Будто его выдернули прямо из работы. Волосы чуть влажные у висков, взгляд холодный, собранный, тяжёлый.

Он остановился, глядя на меня сверху вниз.

— Как давно началось?

— Семь минут назад, — ответил доктор. — Реакция на удаление усилилась быстрее, чем мы ожидали.

Кайрон ничего не сказал.

Просто подошёл ближе.

И меня накрыло.

Не облегчением — нет, не так сразу. Скорее резким, почти болезненным откликом всего тела. Меня будто дёрнули за что-то внутри. Воздуха стало чуть больше, но вместе с этим по коже пошла новая волна жара, ещё сильнее прежней.

Я зажмурилась.

— Не надо... — выдохнула сама не зная, что именно имею в виду.

Чтобы не подходил?
Чтобы подошёл быстрее?
Чтобы всё это прекратилось?

Он опустил передо мной на корточки.

Слишком близко.

Я чувствовала тепло его тела даже сквозь воздух между нами.

— Посмотри на меня, — сказал он.

Я мотнула головой.

— Нет.

— Мира.

Низкий голос, спокойный, приказной. И моё тело опять предательски на него отозвалось — дрожью, коротким спазмом под рёбрами, горячей волной вниз.

Я открыла глаза.

Он смотрел очень внимательно. Без насмешки, без раздражения. Почти так, будто я была не проблемой, а чем-то хрупким, что он не хочет сломать.

Это было даже хуже обычной жёсткости.

Потому что я не знала, как на это реагировать.

— Что вы сделали со мной? — хрипло спросила я.

Его лицо не изменилось.

— Не я.

— Врёшь.

— Нет.

Доктор Хаарн тихо кашлянул.

— Генерал, физический контакт может ускорить стабилизацию.

Я тут же перевела на врача ошарашенный взгляд.

— Что?!

Он не смутился.

— На этой стадии прямой контакт даёт более быстрый результат.

— С вами тут вообще всё в порядке?

Кайрон поднялся.

— Оставьте нас.

Я резко выпрямилась, насколько могла.

— Нет. Нет, подождите. Что значит «оставьте»? Я не давала...

Доктор уже шагнул к двери, уводя за собой охранника.

— Вы серьёзно?! — выдохнула я. — Вы просто уходите?!

— Мы будем снаружи, — ровно сказал Хаарн. — Если что-то пойдёт не так, генерал знает, что делать.

— Вот это меня и пугает!

Но дверь уже закрылась.

Я осталась с ним наедине.

С человеком, рядом с которым моё тело вело себя так, будто сошло с ума.

С человеком, который смотрел на меня слишком спокойно для того, кто только что узнал, что я чуть не рухнула без него.

Кайрон повернулся ко мне.

— Встань.

Я нервно усмехнулась.

— А если нет?

— Я подниму тебя сам.

Приказывать ты, конечно, умеешь.

Проклятье.

Даже сейчас, на полу, дрожащая и злая, я умудрилась слишком ярко представить, как именно он это делает. Его руки. Близость. Сила.

От этой мысли жар стал ещё сильнее.

Ненавижу.

Я вцепилась пальцами в край стола и всё-таки поднялась. Ноги подрагивали. Мир слегка плыл, но уже меньше, чем несколько минут назад.

Кайрон подошёл на шаг ближе.

— Лучше?

— Нет.

— Ложь.

— Почему тебя это так радует?

— Меня это не радует.

Он говорил спокойно, но в голосе я уловила что-то новое. Натянутую, едва заметную жёсткость. Будто ему самому происходящее не нравилось куда сильнее, чем он показывал.

Я облизнула пересохшие губы.

— И что теперь?

— Стабилизируем отклик.

— Звучит мерзко.

— Потерпишь.

— А ты всегда такой обаятельный, или это специальный талант только для меня?

Он скользнул взглядом по моему лицу.

— Только для тебя.

От этой фразы у меня что-то болезненно сжалось внутри.

Глупо. Неправильно. Но сжалось.

Я отвернулась, будто это могло спасти.

— Что мне делать?

— Дышать ровно. Не дёргаться. И не спорить хотя бы минуту.

— Последнее особенно сложно.

— Я заметил.

Кайрон протянул руку.

Я уставилась на неё, как на змею.

Большая ладонь. Длинные пальцы. Тёмная ткань на запястье. Сила, которую не нужно было демонстрировать — она и так чувствовалась в каждом движении.

— Нет, — сказала я тихо.

— Да.

— Мне это не нравится.

— Мне тоже.

Я вскинула голову.

— Врёшь.

Его взгляд стал тяжелее.

— Думаешь, я хотел этого?

И вот тут я запнулась.

Потому что впервые услышала в его голосе не приказ и не холод, а что-то совсем другое. Усталость? Злость? Собственную внутреннюю борьбу?

Он шагнул ещё ближе.

— Я не искал тебя, Мира. Не просил. Не выбирал момент. Но теперь ты здесь. И связь уже запустилась.

— Это не повод...

— Это уже факт.

— Ненавижу факты такого рода.

— Привыкай.

Я хотела ответить что-то едкое, но в этот момент новая волна дурноты подкатила так резко, что мне пришлось закрыть глаза.

И тогда его пальцы всё-таки коснулись моего запястья.

Я судорожно вдохнула.

Ощущение было таким сильным, что колени едва не подогнулись. Не боль. Не облегчение. И то и другое сразу. Как будто в тело влили что-то слишком горячее, слишком яркое, и оно сразу же рванулось по венам, нервам, коже.

— Спокойно, — сказал Кайрон.

Легко ему говорить.

Я схватилась свободной рукой за его предплечье. Просто чтобы не упасть. Просто из необходимости.

Но стоило ощутить под пальцами твёрдую, горячую мышцу, как внутри будто что-то вспыхнуло.

Чёрт.

Он тоже это почувствовал. Я увидела по тому, как чуть изменилось его лицо. Почти незаметно. Чуть сузились глаза. Чуть жёстче стала линия рта.

— Отпусти, — прошептала я.

— Нет.

— Мне слишком...

— Я знаю.

Он положил вторую руку мне на талию.

И в этот момент мир окончательно качнулся.

Я задохнулась, вцепившись в него уже обеими руками. Это было невозможно. Нечестно. Ненормально. Меня будто прижало к нему не только физически, но и чем-то глубже. Сердце колотилось так, что становилось страшно. Под кожей бежал жар. Ткань моей туники вдруг показалась невыносимо лишней.

— Что... ты... делаешь?.. — выдохнула я.

— Держу тебя.

— Я и сама стою.

— Уже нет.

И он был прав.

Если бы не его рука на моей талии, я бы снова сползла на пол.

Кайрон медленно повёл меня к кровати. Без рывков. Уверенно. Так, будто не сомневался, что я подчинюсь. Или что сейчас уже просто не могу иначе.

Это бесило.

И ещё сильнее бесило то, что рядом с ним действительно становилось легче.

Мы остановились у кровати, но он не отпустил меня. Наоборот — слегка развернул к себе, так что я практически оказалась в кольцо его рук.

Слишком близко.

Я чувствовала его дыхание. Тепло груди. Тонкий металлический запах кожи, формы, чего-то едва терпкого и совершенно мужского.

Меня трясло.

— Ложись, — сказал он.

— Приказывать ты, конечно, умеешь.
— Мира.
Этот тон. Низкий, предупреждающий.

Тогда я приду снова.

Я сама не заметила, как подчинилась. Села на край кровати, потом медленно откинулась на подушки. Он навис надо мной, упираясь одной рукой рядом с моим плечом, и я вдруг остро поняла, насколько он большой.

Насколько сильный.

Насколько опасно красивый вот так, вблизи, без дистанции, без холодного коридора между нами.

Я отвернулась.

— Не смотри на меня так.

— Как?

— Будто всё уже решил.

— Я и решил.

— Самоуверенный ублюдок.

— Зато честный.

Он коснулся пальцами моей шеи, там, где под кожей бешено бился пульс.

И я выгнулась ему навстречу.

Господи.

Это было уже не просто унижительно. Это было катастрофично.

Я стиснула зубы и резко зажмурилась.

— Не надо.

— Поздно.

— Ты специально?

— Нет.

— Тогда почему ты звучишь так, будто тебе нравится?!

Он замолчал.

А потом, очень тихо, почти мне в волосы, сказал:

— Потому что ты слишком сильно на меня реагируешь.

Я открыла глаза.

Наши лица были так близко, что между нами оставалось несколько сантиметров. Я видела его ресницы, тонкий шрам у виска, холодный блеск глаз, в которых сейчас не было ни капли обычного спокойствия.

Там было напряжение.

Сдерживаемое. Жёсткое. Мужское.

И от этого у меня сбилось дыхание снова.

— Это всё не по-настоящему, — прошептала я.

— Ошибаешься.

— Это химия. Биология. Что угодно. Не я.

— Ты.

Я нервно качнула головой.

— Нет.

Его пальцы скользнули ниже, по линии челюсти, к подбородку, и мягко, но без возможности отвернуться, повернули моё лицо к нему.

— Ты дрожишь, когда я тебя касаюсь, — сказал он. — Ты перестаёшь злиться, когда я рядом. И тебе становится легче от одного моего присутствия.

— Замолчи.

— Почему? Потому что это правда?

— Потому что я не хочу это слышать!

В груди что-то болезненно дёрнулось. Злость. Страх. Стыд. И то, что я не хотела называть влечением.

Кайрон долго смотрел на меня.

Слишком долго.

Потом наклонился ещё ближе.

Я замерла.

Его губы не коснулись моих. Остановились совсем рядом. Опасно рядом. На расстоянии одного вдоха.

— Скажи мне остановиться, — произнёс он очень тихо.

Слова ударили сильнее любого прикосновения.

Потому что в них впервые был не приказ.

Выбор.

Пусть почти издевательский. Пусть поздний. Но выбор.

Я открыла рот.

И не смогла сказать ничего.

Потому что хотела, чтобы он остановился.

И хотела прямо противоположного.

Проклятье.

Наверное, он увидел это у меня на лице. Потому что в следующую секунду отстранился сам.

Резко. Почти жёстко.

Будто рванул поводок не только на мне, но и на себе.

Я осталась лежать на подушках, тяжело дыша и чувствуя себя так, словно только что упала с высоты.

Кайрон провёл ладонью по лицу, будто сгоняя с себя что-то лишнее, затем выпрямился.

— Лучше? — спросил он уже почти обычным голосом.

Я несколько секунд просто смотрела в потолок.

Потом поняла, что дурнота и правда почти ушла.

Остался только жар.

И ощущение, что внутри меня всё перепуталось окончательно.

— Да, — тихо ответила я.

Он кивнул, будто и так знал.

— Хорошо.

— И всё?

— А тебе нужно что-то ещё?

Я перевела на него взгляд и тут же пожалела.

Он стоял у кровати, высокий, собранный, снова почти непроницаемый. Только глаза выдавали, что непроницаемость эта даётся ему слишком дорого.

— Я тебя ненавижу, — сказала я.

— Это уже было.

— И я повторю ещё раз.

— Повторяй.

Я стиснула пальцами покрывало.

— Ты держишь меня здесь. Решаешь за меня. Командуешь так, будто я твоя собственность.

— Нет.

Я горько усмехнулась.

— Правда?

Он посмотрел на меня тяжёлым, прямым взглядом.

— Пока нет.

У меня перехватило дыхание.

Пока.

Это короткое слово прозвучало так, что по коже снова побежали мурашки.

Он развернулся к двери.

— Отдыхай. До утра реакция должна ослабнуть.

— А если нет?

Кайрон замер на полшага, но не обернулся.

— Тогда я приду снова.

Дверь за ним закрылась тихо.

Я осталась одна.

Но теперь одиночество ощущалось уже не как облегчение, а как странная, пугающая пустота после чего-то слишком сильного.

Я медленно перевернулась на бок, уткнулась лицом в подушку и крепко зажмурилась.

Это было плохо.

Очень плохо.

Потому что где-то глубоко внутри я уже знала: если он действительно придёт снова, я не смогу отреагировать на него так же холодно, как хотелось бы.

А это значило, что ночь на Нор-Таре только началась.

Чем дальше, тем больше

Утром я проснулась с одной-единственной мыслью:

нужно держаться от него подальше.

Вообще-то мысль была неплохая. Здравомыслящая. Почти взрослая.

Жаль только, что моё тело, кажется, придерживалось совсем другого мнения.

Ночью я всё-таки уснула, и даже без новых приступов. Жар постепенно ушёл, голова прояснилась, сердце перестало биться как сумасшедшее. Но легче стало только физически. Всё остальное — нет.

Потому что теперь у меня был новый повод для злости.

Вечером Кайрон стоял надо мной так близко, что я чувствовала его дыхание.

Его пальцы касались моей шеи.

Он мог меня поцеловать.

Я могла... я даже не хотела додумывать, что могла.

От одного воспоминания щёки вспыхнули, и я резко села на кровати.

— Нет, — сказала я вслух самой себе. — Даже не думай.

Комната, разумеется, не ответила.

За панорамным окном Нор-Тар всё так же был холодно красив. Тёмное небо, голубые огни, плавное движение транспорта между башнями и платформами. Здесь даже утро не было похожем на земное. Не тёплое, не мягкое. А чёткое, почти стальное.

Мне вдруг отчаянно захотелось чего-то обычного.

Солнечного света на кухонном столе.
Запаха кофе.
Голоса соседки за стеной.
Даже старого трамвая под окнами.

Чего угодно, лишь бы не это место, где меня могли разбудить собственные мысли о мужчине, которого я должна была ненавидеть без всяких оговорок.

В дверь тихо постучали.

Я повернула голову.

— Войдите, раз уж вам всем так нравится это делать.

На пороге появилась не охрана и не генерал, а молодая женщина в светлой форме. Та самая помощница доктора из медблока — короткие тёмные волосы, собранный взгляд, аккуратные движения.

В руках у неё был планшет и сложенная одежда.

— Доброе утро, госпожа Савельева.

— Не уверена.

Она не отреагировала на мой тон.

— Я Лиара. По распоряжению генерала вам разрешён ограниченный выход из жилого сектора.

Я замерла.

— Разрешён?

— Да.

— Как щедро.

— Вас осмотрят, затем сопровождают в смежную зону.

Я сдвинула брови.

— Смежную зону?

— Садовый уровень, галерея, обзорный сектор. Под охраной.

Ну конечно. Свобода, но с поводком.

И всё же внутри что-то дрогнуло. После суток в комнате даже такая подачка ощущалась почти как подарок.

Я быстро это от себя скрыла.

— А если я не хочу?

Лиара перевела на меня спокойный взгляд.

— Тогда останетесь здесь.

Я помолчала ровно две секунды.

— Через сколько мне быть готовой?

— Через пятнадцать минут.

Когда она вышла, я ещё какое-то время сидела на кровати, глядя в одну точку.

Он разрешил.

Он распорядился.

Он решил, сколько воздуха мне можно дать.

И всё равно я была почти благодарна.

Ненавижу.

Собралась я быстро. Из предложенной одежды выбрала самые нейтральные вещи: светлую блузу с высоким воротом, мягкие тёмные брюки, тонкий пояс. Волосы собрала в хвост. Хотелось выглядеть не пленницей, которую вывели на прогулку, а человеком, который всё ещё держит себя в руках.

Хотя бы снаружи.

У двери меня уже ждали двое охранников и Лиара со сканером.

— Руки, пожалуйста.

— Обязательно вот это «пожалуйста», когда на деле выбора нет?

— Это часть вежливости, — спокойно сказала она.

— Очень удобно прикрываться вежливостью.

Она лишь быстро провела сканером вдоль моих запястий, шеи и груди, затем кивнула самой себе.

— Показатели стабильны.

— Невероятное достижение.

Один из охранников открыл дверь.

И вот тогда я впервые за всё это время вышла не просто в коридор, а дальше.

Жилой сектор генерала оказался частью огромного комплекса, где всё было устроено не для уюта, а для контроля. Широкие проходы, гладкие стены, прохладный воздух, прозрачные панели с пульсирующими синими линиями. По пути нам встречались люди — точнее, не только люди. Высокие мужчины в тёмной форме, женщины в служебных костюмах, техперсонал, медики, офицеры.

И все смотрели на меня.

Не открыто. Не слишком долго. Но достаточно, чтобы я почувствовала себя странной зверушкой, которую вывели из частного вольера.

Сначала я старалась этого не замечать.

Потом стало невозможно.

На третьем перекрёстке двое офицеров, проходивших мимо, буквально замедлили шаг. На четвёртом женщина в форме службы связи посмотрела на меня так внимательно, будто мысленно уже раздевала и оценивала. На пятом кто-то тихо сказал что-то соседу, и тот резко вскинул голову.

— Они все знают? — спросила я, не оборачиваясь к Лиаре.

— О чём именно?

— Обо мне.

— На базе быстро распространяется информация.

— Это не ответ.

— На базе знают, что вы находитесь под личным контролем генерала.

Я резко остановилась.

Охрана тут же замерла вместе со мной.

— Под его чем?

— Под личным контролем.

— Звучит ещё хуже, чем было вчера.

— Такова формулировка.

— А более унижительной у вас не нашлось?

Лиара, к её чести, даже не попыталась сделать вид, что ей неловко.

— Обычно эта формулировка означает высокий уровень охраны и ограниченный доступ.

— А на местном языке как это звучит? «Не подходить, генерал кусается»?

На этот раз у одного из охранников едва заметно дёрнулся уголок рта.

Отлично. Хотя бы кто-то здесь понимал сарказм.

Мы двинулись дальше.

Садовый уровень оказался неожиданно красивым. Просторная галерея под высоким куполом, много света, стеклянные стены, за которыми открывался вид на нижние платформы, и длинные полосы живых растений — серебристо-голубых, тёмно-зелёных, с крупными листьями и мягким мерцанием по краям. В воздухе пахло водой, прохладой и чем-то свежим, почти земным.

Я невольно замедлила шаг.

— Здесь красиво, — вырвалось у меня.

— Да, — сказала Лиара.

— Не похоже на военную базу.

— Это внутренний уровень. Его создавали для стабилизации нервной системы у личного состава после боевых смен.

Я усмехнулась.

— А, ну да. У ваших суровых хищников тоже, оказывается, есть нервы.

— У всех есть.

Я скользнула по ней взглядом.

— Даже у генерала?

Ненавижу эту фразу.

Она не ответила.

Что ж. Справедливо.

Я подошла ближе к стеклянной стене. Отсюда было видно, как под нами проходит транспортная лента, дальше — тёмные башни, ещё ниже — площадки для кораблей и длинные световые мосты, уходящие в сумрак. Всё это выглядело огромным. Продуманным. Жёстким.

Мир Кайрона.

Мир, где ему подчинялись без вопросов.

Мир, где я была чужой.

— Не задерживаться у открытых панелей, — сказал один из охранников.

— Я не собираюсь выпрыгивать.

— Протокол.

— Да-да. У вас тут всё по протоколу. Даже дыхание, видимо.

Я отвернулась от стекла и пошла дальше по галерее.

И почти сразу заметила её.

Высокая женщина в тёмно-синей форме стояла у дальнего выхода и разговаривала с офицером. Очень красивая. Спокойная. Слишком красивая для того, чтобы не понимать силу этого факта. Светлые волосы убраны в гладкий узел, идеальная осанка, холодный взгляд. Она увидела нашу группу сразу.

И посмотрела прямо на меня.

Не на охрану. Не на Лиару. На меня.

С ног до головы.

Медленно.

Оценивающе.

Я напряглась ещё до того, как она приблизилась.

— Госпожа Савельева, — произнесла женщина ровно. — Я капитан Ирсса Тар. Начальник внутреннего сектора.

— Очень рада, — соврала я.

Её губы едва заметно дрогнули.

— Не сомневаюсь.

О, прекрасно. Значит, не только у меня сегодня плохое настроение.

— Вам что-то нужно? — спросила я.

— Мне — нет. А вот вам, думаю, стоит запомнить несколько правил.

Лиара тихо кашлянула.

— Капитан...

— Не думаю, что в этом есть проблема, — перебила её Ирсса. — Или госпоже Савельевой уже объяснили, что на базе не принято пользоваться вниманием генерала как личной привилегией?

Я даже не сразу поняла, что именно меня так задело.

Наверное, всё сразу.

Тон.

Слова.

И это мерзкое, ледяное превосходство в её взгляде.

— Я ничем не пользуюсь, — сказала я спокойно. — И ничьим вниманием тоже.

— Разумеется.

Вот теперь я уже точно захотела сделать что-нибудь недипломатичное.

— У вас тут у всех странная привычка разговаривать так, будто я виновата в том, что дышу.

Ирсса выдержала мой взгляд.

— У нас здесь странная привычка замечать опасные перемены.

— А я, значит, опасная перемена?

— Пока не знаю.

— Тогда не делайте выводов заранее.

Её глаза чуть сузились.

— Это хороший совет. Жаль, не все умеют ему следовать.

Лиара шагнула вперёд.

— На сегодня у госпожи Савельевой согласован маршрут. Не будем нарушать распоряжение генерала.

Имя Кайрона прозвучало как тонкий холодный клинок между нами.

Ирсса отступила на полшага.

— Разумеется. Генерал сейчас очень... занят.

Я не поняла, что именно она хотела вложить в эти слова, но мне не понравилось уже само многоточие в её голосе.

Очень занят.

С кем?

Чем?

Почему меня это вообще задело?

Я тут же внутренне выругалась.

Вот до чего докатилась. Сижу на военной базе против воли и раздражаюсь из-за интонации какой-то идеальной капитанши.

Прекрасно, Мира. Просто прекрасно.

Мы пошли дальше, но настроение уже окончательно испортилось.

Я почти не слушала объяснения Лиары про уровни, графики доступа и ограничения маршрута. Только кивала, делая вид, что мне всё равно.

На самом деле мне было не всё равно.

Меня бесило, что здесь все что-то знают про Кайрона.

Что они привыкли к нему.

Понимают его правила.

Понимают его власть.

А я нет.

Для меня он до сих пор был просто слишком сильным, слишком опасным мужчиной, рядом с которым моя собственная кожа становилась чужой.

Когда прогулка закончилась, я твёрдо решила одно: больше никакой слабости.

Никаких лишних слов.

Никаких реакций.

Никаких мыслей о его руках, голосе и том, как близко он вчера наклонялся ко мне.

Вернувшись в комнату, я первым делом прошла по ней кругом, будто заново её осматривая.

Кровать.

Стол.

Окно.

Дверь.

Слишком просторная клетка.

На столе уже ждал обед, но есть не хотелось. Я налила себе воды, медленно выпила половину стакана и подошла к окну.

Нор-Тар светился внизу холодным синим огнём.

Где-то там сейчас был Кайрон.

Очень занят.

Я стиснула зубы.

— Да какая мне разница, — пробормотала я.

Слова прозвучали неубедительно даже для меня самой.

Я резко отвернулась от окна и заставила себя заняться хоть чем-то. Перебрала одежду. Полистала книги на полке — большинство были на местном, один-два тома на общем галактическом. Включила терминал, надеясь получить доступ хотя бы к новостям. Разумеется, доступ оказался урезан до оскорбительного минимума.

Прошёл час.

Потом ещё один.

Я держалась.

Правда.

Почти с гордостью отметила, что не думаю о нём постоянно. Только иногда. Какими-то короткими вспышками. Голос. Взгляд. Ладонь на талии.

Чёрт.

Ближе к вечеру я поняла, что снова начинаю чувствовать что-то неправильное.

Сначала — совсем слабо. Лёгкую сухость во рту. Излишнюю чувствительность кожи.

Непонятное беспокойство, будто я забыла что-то важное.

Потом сильнее.

Я поставила книгу на стол и медленно выдохнула.

Нет.

Только не опять.

Я отошла от окна и заставила себя сесть. Потом встать. Потом пройти по комнате. Может, это просто усталость. Может, недосып. Может, нервы после встречи с Ирссой.

Но тело уже знало правду раньше головы.

Сердце снова начало ускоряться.

Под кожей разлился жар.

В груди появилось знакомое тянущее ощущение — не боль, нет, хуже. Пустота, которая становилась всё более отчётливой и требовательной.

Я упёрлась ладонями в край стола.

— Нет, — сказала тихо. — Нет. Я не буду.

Как будто с кем-то спорила.

Наверное, так и было.

Я не хотела снова вызывать врача. Не хотела, чтобы Кайрон приходил. Не хотела давать ему это превосходство.

Поэтому я стиснула зубы и решила переждать.

Пять минут.

Десять.

На одиннадцатой я уже сидела на полу у кровати, пытаюсь дышать медленно и глубоко.

Не помогало.

Наоборот, становилось хуже, чем ночью.

Теперь к жару и дрожи добавилось ещё что-то новое — почти болезненная чувствительность внизу живота, будто само тело, предательское, глупое, тянулось к тому, чего я не собиралась ему давать.

Щёки вспыхнули от одного осознания.

— Нет... — выдохнула я уже почти со злостью.

Дверь открылась резко.

Я вскинула голову, собираясь возмутиться, но слова застряли в горле.

На пороге стоял Кайрон.

И, судя по его лицу, он уже понял всё.

В этот раз на нём снова была форма — тёмная, строгая, с холодным блеском знаков отличия. Но сейчас я заметила это лишь краем сознания.

Потому что воздух с его появлением сразу стал другим.

А тело — ещё хуже.

Господи.

Он вошёл быстро, без обычной медлительной уверенности. Дверь за ним захлопнулась.

— Почему ты не вызвала врача?

Я попыталась встать и почти сразу снова опустилась обратно.

— Потому что не хочу, чтобы ты каждый раз...

Голос сорвался.

Кайрон подошёл ко мне и присел на корточки.

— Посмотри на меня.

— Ненавижу эту фразу.

— Всё равно посмотри.

Я подняла глаза.

Зря.

Он был слишком близко. Слишком собранный. Слишком мужской. И в его взгляде сейчас не было ни капли привычной холодности. Только жёсткая, злая тревога.

— Ты должна была сразу сообщить, — сказал он.

— Кому? Тебе? Чтобы ты опять пришёл спасать меня от самой себя?

— Да.

— Очень удобно для твоего эго.

Ты хочешь слишком много

Его челюсть напряглась.

— Мира.

— Что?

— Не доводи меня.

Я тихо, хрипло усмехнулась.

— А то что? Ещё сильнее запрёшь?

Кайрон резко выдохнул.

А потом произошло то, чего я не ожидала.

Он подхватил меня на руки.

Просто взял и поднял, будто я вообще ничего не весила.

Я ахнула и машинально вцепилась ему в плечи.

Жар прокатился по телу такой волной, что на секунду перед глазами потемнело.

— Ты... с ума сошёл?.. — выдохнула я.

— Уже да.

— Поставь меня.

— Нет.

— Я сама могу идти.

— Ложь.

Он донёс меня до кровати и осторожно опустил на покрывало, но не отстранился. Его ладонь осталась у меня на талии, тяжёлая, горячая, слишком уверенная.

Я дрожала.

От дурноты.

От злости.

От него.

— Лучше? — спросил он.

— Нет.

— Опять лжёшь.

— Потому что ты бесишь меня даже в момент, когда... когда мне плохо.

Он наклонился ниже.

— Это полезно. Значит, не теряешь характер.

Я уставилась на него.

— Ты издеваешься?

— Пытаюсь отвлечь тебя.

Пауза.

Потом, совсем тихо, я спросила:

— Почему мне хуже, чем ночью?

Кайрон несколько секунд молчал.

— Потому что ты провела слишком много времени далеко от меня.

— Это абсурд.

— Это реальность.

— Мне не нужна такая реальность.

— Мне тоже не нужна была.

Его голос стал ниже, жёстче.

И вот тут я снова услышала то, что пугало меня почти сильнее самой связи: он не выглядел довольным. Победным. Самоуверенным. Нет.

Он выглядел так, будто эта зависимость между нами раздражает и его тоже.

Будто он тоже оказался в ловушке.

Эта мысль должна была облегчить всё.

Но почему-то не облегчила.

Наоборот — сделала нас опаснее друг для друга.

— Что мне делать? — спросила я уже без злости. Слишком устала для неё.

— Дыши. Смотри на меня. Не пытайся отстраниться.

— Последнее особенно приятно звучит.

— Мира.

— Ладно.

Он сел рядом на край кровати, не убирая руки с моей талии. Вторую ладонь положил мне на запястье, большим пальцем медленно провёл по внутренней стороне — там, где кожа была тонкой и пульс особенно отчётливым.

Я резко вдохнула.

Он заметил.

Конечно, заметил.

— Не надо, — шёпотом сказала я.

— Это помогает.

— Это слишком...

— Сильно?

Я закрыла глаза.

— Да.

— Я знаю.

Господи, как же я ненавидела это его спокойное «я знаю».

Как будто он уже выучил моё тело раньше, чем я успела его защитить.

Я попыталась отодвинуться, но он лишь крепче обхватил меня за талию и притянул ближе. Не грубо. Не больно. Просто без вариантов.

Моё колено почти коснулось его бедра.

Потом коснулось.

И от этой мелочи по телу опять пробежала такая яркая дрожь, что мне захотелось застыть от бессилия.

— Не смей, — пробормотала я.

— Что именно?

— Делать вид, что ничего не происходит.

Кайрон медленно провёл взглядом по моему лицу.

— Я не делаю вид.

— Тогда скажи это.

— Что?

— Что ты это тоже чувствуешь.

Он замер.

Только на секунду.

Но мне хватило.

Потому что в эту секунду я поняла: попала.

Он чувствовал.

Очень даже.

И именно поэтому так тщательно держал лицо.

— Ты не хочешь слышать правду, — сказал он наконец.

— А ты попробуй.

Его ладонь на моей талии стала чуть жёстче.

Не болезненно.

Собственнически.

От этого у меня внутри всё мучительно сжалось.

— Я чувствую каждый раз, когда ты рядом, — произнёс он тихо. — И каждый раз, когда ты пытаешься уйти слишком далеко.

У меня пересохло во рту.

— Это не ответ.

— Для тебя — более чем.

— Нет. Я хочу знать...

Я запнулась, потому что он вдруг поднял руку и коснулся моего подбородка. Осторожно. Почти бережно. И всё равно так, что я перестала нормально соображать.

— Ты хочешь слишком много, — сказал Кайрон.

— А ты привык слишком мало давать.

Его глаза потемнели.

— Осторожнее.

— А то что?

— Я могу перестать сдерживаться.

Слова ударили прямо под дых.

Я замерла.

Он тоже.

На миг всё вокруг как будто стало неподвижным — свет за окном, воздух, звук моего сердца.

Потом я очень тихо спросила:

— И что будет, если перестанешь?

В его лице что-то изменилось.

Неуловимо.

Опасно.

Так, что меня саму испугал собственный вопрос.

Его взгляд опустился к моим губам.

Задержался там на одну бесконечно длинную секунду.

Потом снова поднялся к глазам.

— Не спрашивай о том, к чему ещё не готова, — сказал он низко.

Я не успела ответить.

Потому что в следующую секунду дверь открылась.

Кайрон резко обернулся.

На пороге стоял один из офицеров, молодой, напряжённый, с планшетом в руках. Он явно влетел без доклада и теперь уже жалел об этом.

Особенно когда увидел меня на кровати, практически в руках генерала.

И его собственный взгляд задержался на мне чуть дольше, чем следовало.

Очень зря.

Я почувствовала, как Кайрон мгновенно стал другим.

Жёстче.

Холоднее.

Страшнее.

— Выйди, — произнёс он.

Офицер побледнел.

— Генерал, я...

— Вон.

Парень исчез так быстро, что дверь едва не хлопнула.

А я вдруг поняла, что всё это время Кайрон продолжал держать меня за талию — и только сейчас его пальцы сжались чуть сильнее, чем нужно.

— Это что, ревность? — выдохнула я, не успев остановить себя.

Он посмотрел на меня так, что ответ уже был не нужен.

— Не испытывай моё терпение, Мира.

И почему-то именно после этого мне стало легче дышать.

По-настоящему.

Голова перестала кружиться. Жар всё ещё жил под кожей, но уже не выворачивал наизнанку. Сердце успокаивалось.

Я медленно выдохнула.

Кайрон тоже заметил перемену. Ослабил хватку, но не отпустил совсем.

— Вот так, — тихо сказал он.

— Ненавижу, когда ты оказываешься прав.

— Привыкай.

— У тебя ужасный характер.

— А ты только сейчас это поняла?

Несмотря на всё, я почти усмехнулась.

Почти.

Он заметил и это.

Конечно.

Несколько секунд мы молчали. Слишком близко. Слишком спокойно для того, что творилось между нами всего минуту назад.

Потом Кайрон убрал руку с моей талии и поднялся.

Пустота пришла мгновенно.

Слабая. Уже не болезненная. Но очень заметная.

Я ненавидела сам факт, что теперь могу это различать.

— Сегодня никуда не выходишь, — сказал он.

— Это ещё почему?

— Потому что твоё состояние нестабильно.

— А если я скажу нет?

— Скажешь. Но останешься здесь.

— Тирания тебе к лицу.

— Я знаю.

Я прищурилась.

— Скромность тоже.

На этот раз он всё же позволил себе что-то вроде тени улыбки.

Очень короткой.

Очень опасной.

Потому что с ней он вдруг стал не только страшным, но и до неприличия притягательным.

Мне захотелось швырнуть в него подушкой просто за этот факт.

— Отдыхай, — сказал он уже у двери.

— Ты всегда уходишь в самый неподходящий момент?

Он обернулся.

Я сама замерла, осознав, что сказала это вслух.

Чёрт.

Кайрон долго смотрел на меня.

Потом произнёс:

— Поверь, для нас обоих сейчас нет подходящих моментов.

И вышел.

А я осталась сидеть на кровати, с жаром в щеках, слишком быстрым сердцем и одной очень опасной мыслью:

Если он и дальше будет уходить вот так, на грани, я сама однажды не выдержу.

На грани срыва

После его ухода я ещё долго сидела на кровати и смотрела в дверь.

Как будто могла взглядом вернуть Кайрона обратно.

И от одной этой мысли мне захотелось провалиться сквозь пол.

Нет. Нет, Мира. Совсем уже с ума сошла?

Я резко встала и подошла к окну. За стеклом Нор-Тар всё так же жил своей холодной, красивой жизнью: огни, транспортные трассы, дальние башни, силуэты кораблей в сумрачном небе. Всё было на месте.

Кроме меня.

Потому что я, кажется, всё меньше понимала, где заканчивается страх и начинается то, что гораздо хуже.

Меня тянуло к нему.

Не только из-за этой проклятой связи. Не только из-за физической ломки, которая накрывала, стоило ему исчезнуть слишком надолго. Нет.

Дело было уже не только в теле.

Мне хотелось видеть его.

Слышать его голос.

Ловить этот взгляд — тяжёлый, тёмный, будто он каждый раз мысленно выбирает между желанием придушить меня и желанием...

Я резко зажмурилась.

Нет.

Об этом я тоже думать не собиралась.

По крайней мере, днём я ещё как-то держалась. Меня снова осмотрела Лиара, оставила какие-то таблетки, сказала, что «показатели выравниваются», и исчезла. Больше никто не приходил.

Кайрон тоже.

Сначала я радовалась этому.

Потом злилась.

Потом начала всё чаще смотреть на дверь.

Ближе к вечеру поняла, что хожу по комнате кругами. Потом заставила себя сесть с книгой. Потом поймала себя на том, что уже третий раз перечитываю один и тот же абзац и не понимаю ни слова.

Ночь пришла быстро. На Нор-Таре она всегда падала резко, без земной мягкости. Просто в какой-то момент за окном становилось темнее, огни — ярче, а тишина в жилом секторе — глубже.

Слишком глубже.

Я лежала в кровати и не спала.

Сначала на спине. Потом на боку. Потом снова на спине.

Простыня казалась слишком горячей. Воздух — слишком прохладным. Мысли — слишком громкими.

И среди них одна упорно билась сильнее остальных:

он не пришёл.

Глупо.

Просто великолепно.

Теперь я уже не только зависела от его присутствия, но и ждала его, как последняя идиотка.

Я перевернулась на бок и уткнулась лицом в подушку.

— Ненавижу тебя, — прошептала я в темноту.

Тишина, как и обычно, ничего не ответила.

Наверное, я всё же задремала. Ненадолго. Потому что очнулась резко — от ощущения, что в комнате что-то изменилось.

Не звук.

Не свет.

Воздух.

Я открыла глаза.

В полумраке спальни, у окна, стоял Кайрон.

У меня сердце ударилось так, что стало больно.

Он молчал. Просто стоял, глядя на ночной Нор-Тар за стеклом. Тёмная рубашка, тёмные брюки, широкие плечи, руки опущены вдоль тела. Неподвижный. Слишком большой для этой тихой комнаты.

Как будто часть чужой, опасной ночи вошла ко мне сама.

— Ты вообще нормальный? — хрипло спросила я. — Ходить вот так по ночам в комнату женщины?

Он медленно повернул голову.

Даже в полумраке его взгляд был слишком ясным.

— Ты не спишь.

— А ты наблюдательный.

— У тебя учащённый пульс.

— Может, потому что я проснулась и увидела у себя в комнате звёздного генерала с привычками маньяка?

Он подошёл ближе.

Не ответил.

И вот это его молчаливое, тяжёлое приближение действовало сильнее любого слова. Я села в кровати, инстинктивно натянув одеяло повыше, хотя на мне была длинная тонкая сорочка.

Глупый жест.

Он и так уже видел меня в куда более уязвимом виде.

Но сейчас мне нужно было хоть что-то между нами.

— Зачем ты пришёл? — спросила я.

Кайрон остановился у кровати.

— Проверить тебя.

— По ночам?

— Да.

— Какая забота.

— Не начинай.

Я прищурилась.

— Или что?

— Или мне придётся напомнить, что тебе лучше, когда я рядом.

Вот это ударило.

Сильно.

Ниже пояса. Ниже гордости.

Я вспыхнула и стиснула пальцы на краю одеяла.

— Не смей использовать это против меня.

Он наклонил голову чуть набок.

— Против тебя? Мира, я пришёл именно потому, что ты весь вечер пыталась справиться одна.

Я замерла.

— Откуда ты знаешь?

— Я вижу твои показатели.

Проклятье.

Конечно. Разумеется. Почему я вообще надеялась хоть на какую-то личную территорию в этой проклятой крепости?

— Значит, ты следишь за мной?

— Да.

— И говоришь это так спокойно?

— Потому что не вижу смысла лгать.

Я уставилась на него.

Серьёзно уставилась.

А потом вдруг поняла, что это и есть одна из самых страшных вещей в нём: Кайрон не пытался казаться лучше. Не извинялся. Не смягчал углы. Не делал вид, что всё происходит случайно.

Он просто был таким.

Жёстким. Прямым. Опасно честным.

И именно поэтому рядом с ним было так трудно дышать.

— Ты невозможен, — тихо сказала я.

— А ты слишком много думаешь вместо того, чтобы спать.

— И это говорит мужчина, который вломился ко мне среди ночи.

Он сделал ещё шаг.

Теперь между нами оставалось меньше вытянутой руки.

Жар под кожей проснулся мгновенно. Без предупреждения. Просто вспыхнул — и всё.

В груди стало тесно. Колени под одеялом чуть дрогнули.

Кайрон заметил.

Конечно, заметил.

Его взгляд скользнул по моему лицу, по шее, по стиснутым пальцам на ткани.

Слишком медленно.

Слишком по-мужски.

— Тебе снова нехорошо? — спросил он.

— А тебе не всё равно?

— Нет.

Это прозвучало так спокойно, что я растерялась.

На секунду.

Потом тут же снова нашла злость.

— Врёшь.

— Нет.

— Ты просто контролируешь ситуацию.

— Я контролирую себя. Ситуация уже давно вне контроля.

От этих слов внутри всё предательски дрогнуло.

Я резко отвела взгляд.

— Красиво сказано.

— Это не для красоты.

— Тогда для чего?

Пауза затянулась. Длинная, тягучая, опасная.

Потом Кайрон ответил:

— Чтобы ты перестала считать, будто всё это чувствуешь только ты.

Я медленно подняла на него глаза.

И пожалела.

Потому что он смотрел слишком прямо.

Слишком открыто для мужчины, который до этого держал лицо как броню.

— Что значит «я не одна»? — очень тихо спросила я.

Он не отвёл взгляд.

— Именно то, что я сказал.

У меня пересохло во рту.

— Ты хочешь сказать, что тебе тоже...

Я не договорила.

Не смогла.

Его челюсть едва заметно напряглась.

— Не заставляй меня произносить очевидное.

— А может, я хочу это услышать.

— Зачем?

— Потому что я устала чувствовать себя слабой рядом с тобой!

Последнее прозвучало громче, чем я собиралась. Почти срывающимся шёпотом. Почти признанием.

Кайрон резко выдохнул.

И вдруг сел на край кровати.

Матрас тут же прогнулся под его весом. Я инстинктивно напряглась. Не отодвинулась только потому, что отступать было уже некуда — за спиной была спинка, впереди он.

Слишком близко.

Слишком жарко.

Слишком опасно.

— Смотри на меня, — сказал он.

— Ты постоянно это повторяешь.

— Потому что ты постоянно отворачиваешься в самый важный момент.

Я вскинула подбородок.

— Хорошо. Смотрю. И что дальше?

Поздно

Он медленно повернулся ко мне всем корпусом. Его колено коснулось моей ноги через одеяло. От одной этой мелочи внутри всё сжалось так, что мне пришлось вцепиться в ткань пальцами.

Кайрон заметил и это.

Его глаза на секунду потемнели.

— Дальше ты запоминаешь, — произнёс он низко. — Я чувствую каждый твой срыв. Каждый скачок пульса. Каждый момент, когда тебе становится хуже.

Я молчала.

Не потому что нечего было сказать.

Потому что если бы открыла рот, наружу вышло бы что-то совсем не то.

Он продолжил:

— И мне приходится держаться на расстоянии не меньше, чем тебе.

Вот теперь я всё-таки не выдержала.

— Тогда зачем ты приходишь? — выдохнула я. — Зачем стоишь так близко? Зачем смотришь на меня так, будто ещё немного — и...

Я запнулась.

Он наклонился ближе.

— И что?

Его голос стал совсем тихим.

Почти интимным.

Почти опасным до дрожи.

— И ты сам это знаешь, — прошептала я.

На секунду показалось, что воздух между нами стал горячее.

Не образно.

Буквально.

Его пальцы легли поверх моих на краю одеяла. Большая ладонь. Тёплая. Сдержанная сила. Он не сжал мои пальцы, не переплёл их со своими — просто накрыл.

И этого оказалось достаточно, чтобы всё внутри меня рванулось к нему.

Я судорожно вдохнула.

— Не надо, — сказала почти беззвучно.

— Поздно, — так же тихо ответил он.

У меня мурашки пошли по спине.

Кайрон медленно сдвинул руку выше. К моему запястью. Потом ещё выше — вдоль предплечья, поверх тонкой ткани сорочки. Неспешно. Почти исследующе. Но в каждом касании чувствовалось слишком многое.

Контроль.

Желание.

Сдерживаемая жёсткость.

И то, как отчаянно он всё это держит в узде.

Я не должна была ему это позволять.

Вообще не должна.

Но вместо того чтобы отдернуть руку, только сильнее стиснула губы.

Потому что тело уже решало за меня. Откликалось, тянулось, оживало под его пальцами так, будто именно этого и ждало весь день.

Проклятье.

— Скажи, что мне уйти, — произнёс Кайрон.

Я подняла на него глаза.

Слишком быстро.

Слишком остро.

— Ты правда уйдёшь?

На этот раз запнулся он.

Едва заметно.

Но мне хватило.

Потому что в этой короткой паузе было больше правды, чем во всех наших разговорах до этого.

— Нет, — ответил он.

И это слово ударило глубоко.

Сильно.

Правильно.

Пугающе.

Я сглотнула.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Его пальцы остановились у локтя. Не выше. Пока не выше.

— Потому что хочу услышать, как далеко ты готова зайти сама.

Эти слова скользнули под кожу хуже любого прикосновения.

Я резко отвернулась.

— Ты невыносим.

— А ты тянешься ко мне каждый раз, когда я подхожу ближе.

— Это связь.

— Не только.

— Ты слишком самоуверен.

— А ты слишком честная телом, даже когда врёшь словами.

У меня перехватило дыхание.

— Замолчи.

— Нет.

Он коснулся моей щеки.

Большим пальцем.

Неспешно.

От скулы к подбородку.

Мир сузился до этого прикосновения.

До темноты комнаты.

До его дыхания.

До того, как бешено бьётся моё сердце.

Я не заметила, в какой момент сама подалась вперёд. Совсем чуть-чуть. На вдохе. Почти неосознанно. Но его взгляд тут же стал ещё тяжелее.

— Вот так, — тихо сказал Кайрон. — Уже лучше.

— Ненавижу, когда ты это видишь.

— Я вижу тебя всю.

Эта фраза должна была оттолкнуть.

Но вместо этого между ног вспыхнуло таким жаром, что мне стало почти стыдно от самой себя.

Я резко опустила взгляд.

И совершила ошибку.

Потому что теперь видела его слишком близко: жёсткую линию рта, чуть расстёгнутый ворот, сильную шею, напряжённые пальцы на моём запястье. Видела, как сильно он собран. И как дорого ему даётся эта сдержанность.

У меня закружилась голова.

Не от слабости.

От него.

— Мира, — тихо позвал он.

Я не ответила.

Тогда его пальцы легли под мой подбородок и мягко, но без права выбора подняли лицо вверх.

И в следующий миг он наклонился.

Слишком близко.

Слишком.

Его губы не касались моих.

Ещё нет.

Но расстояние между нами было уже не в сантиметрах, а в одном коротком движении, на которое никто из нас не решался первым.

Я перестала дышать.

Он тоже.

Я чувствовала его дыхание на своих губах. Чувствовала напряжение в его руке. Слышала собственный пульс так громко, будто он бился у меня в горле.

Ещё немного.

Ещё шаг.

Ещё один вдох.

И всё.

Кайрон смотрел на мой рот так, что внутри всё плавилось.

— Скажи мне «нет», — произнёс он почти шёпотом.

Я открыла рот.

Но не сказала ничего.

Потому что не могла.

Потому что слишком хотела узнать, каково это — если он всё-таки поцелует.

Каково это — если перестанет быть сдержанным.

Каково это — если эта тьма, жар и опасность между нами наконец сорвутся с цепи.

Наверное, он понял это по моему лицу.

По тому, как я замерла.

По тому, как сама, едва заметно, потянулась к нему.

Кайрон резко втянул воздух.

Его рука на моём подбородке стала жёстче.

А потом он сказал то, от чего у меня по позвоночнику прошла медленная, мучительная дрожь:

— Ещё шаг ко мне, Мира... и я уже не остановлюсь.

У меня закружилась голова.

И я, кажется, впервые в жизни не испугалась этого.

Наоборот.

Мне стало страшно от того, что я всё равно хочу сделать этот шаг.

Его ночь

Я почти не спала.

После его слов это было просто невозможно.

«Ещё шаг ко мне, Мира... и я уже не останавлиюсь.»

Они крутились в голове снова и снова, как будто застряли под кожей вместе с его голосом, его дыханием, его ладонью у моего лица.

Я лежала в темноте и чувствовала себя так, будто всё внутри меня сдвинулось.

Слишком далеко.

Слишком опасно.

Слишком сладко для того, что должно было пугать.

И самое страшное — пугало.

Но уже не останавливало.

Утро на Нор-Таре выдалось тихим. Почти подозрительно тихим. Никто не пришёл рано, никто не дёргал, не водил на осмотры, не раздражал меня сухими приказами и нейтральными лицами.

Только Лиара появилась ближе к полудню, быстро проверила показатели, скользнула по мне внимательным взглядом и сказала:

— Сегодня вам лучше не перенапрягаться.

Я едва не рассмеялась.

— Какая ценная рекомендация.

— Генерал сейчас на совещании. До вечера беспокоить вас не будут.

Вот это почему-то задело.

Сильно.

Я тут же разозлилась на саму себя.

— Прекрасно, — сказала холодно. — Могу только порадоваться.

Лиара ничего не ответила. Но когда она уже собиралась уходить, всё-таки добавила:

— Лучше не игнорируйте симптомы, если снова станет хуже.

— А если станет?

Она выдержала паузу.

— Вы уже знаете ответ.

Да.

Знала.

И именно поэтому остаток дня превратился в пытку.

Я ходила по комнате, подходила к окну, пыталась читать, садилась, снова встав

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.